

Пьер БУРДЬЕ

Социология
социального пространства

Перевод с французского
Общая редакция перевода
Н. А. Шматко

Институт экспериментальной социологии, Москва
Издательство «АЛЕТЕЙЯ», Санкт-Петербург

2007

УДК 316.3
ББК 60.5
Б91

*Издание осуществлено при участии
ООО «Эльга»*

Бурдьё, Пьер

Б91 Социология социального пространства / Пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. — 288 с. — (Серия «Gallicinium»).

ISBN 978-5-903354-05-4

В книге представлены избранные труды Пьера Бурдьё, наиболее близкие и актуальные для российского читателя. Автор 35 книг и нескольких сотен статей, переведенных на десятки языков, Пьер Бурдьё изучал систему образования, государство, власть и политику, литературу и живопись, экономику и масс-медиа, науку и религию. Отобранные для книги тексты показывают в большей мере, чем какое-либо из существующих французских изданий, все разнообразие его исследовательской проблематики. Данное издание включает в себя работы, объединенные центральной темой генезиса и структурирования социального пространства, его связи с физическим пространством, особое внимание уделяется становлению государства как пространства особого рода.

В оформлении использованы фрагменты работ В. Кандинского

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Разработка серийного оформления *А. Бондаренко*

Корректор *Н. М. Баталова* • Оригинал-макет *Е. Н. Ванчурина*

Издательство «Алетейя», 192171, СПб., ул. Бабушкина, д. 53. Тел./факс: (812) 560-89-47. E-mail: office@aletheia.spb.ru, aletheia@rol.ru (отдел реализации), aletheia@peterstar.ru (редакция) • www.aletheia.spb.ru
Подписано в печать 21.03.2005. Формат 84x108 $\frac{1}{32}$. Усл.-печ. л. 15,1. Печать офсетная. Доп. тираж 500 экз. Заказ № 3671. Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография «Наука»», 199034, СПб., 9 линия, д. 12

ISBN 978-5-903354-05-4

9 785903 354054

© П. Бурдьё, 2005

© Actes de la recherche en sciences sociales

© Revue française de la sociologie

© Институт экспериментальной социологии, составление, перевод, 2005

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2005

© «Алетейя. Историческая книга», 2005

О СИМВОЛИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ*

Этот текст, рожденный из попытки подвести итог ряду исследований о символизме в весьма своеобразной ситуации, а именно на лекции в иностранном университете (Chicago, 1973), не нужно воспринимать как историю теорий символизма ни в образовательном плане, ни тем более как некую псевдогегельянскую реконструкцию подхода, который мог бы привести — через последовательность снятий — к «окончательной теории».

Если «иммиграция идей», как говорил Маркс, редко проходит без ущерба, то потому, что произведения культуры при этом отделяются от системы теоретических реперов, по отношению к которым, сознательно или неосознанно, они определялись. Поле их производства обозначено вехами имен собственных и «измами», которые произведения не столько сами определяют, сколько ими определяются. Поэтому случаи «иммиграции» с особой силой ставят вопрос о горизонте референции, который в обычной ситуации остается не проявленным. Однако само собой разумеется, что факт репатриации этой сделанной на экспорт продукции заключает большую опасность, связанную с наивностью и упрощением, и большой риск, поскольку дает средство для объективации.

Как бы то ни было, при том состоянии поля, когда повсюду видят власть, так же как в прежние времена отказывались признавать ее даже там, где она бросалась в

* © Bourdieu P. Sur le pouvoir symbolique // Annales. Economie. Société. Civilisations. 1977. № 3. P. 405–411.

глаза, бесполезно было бы напомнить, что власть — этот своего рода «круг, центр которого находится повсюду и нигде», который никогда специально не скрывался, достигая этого иными способами, — нужно уметь обнаружить там, где она менее всего заметна, где она совсем не узнана, следовательно — признана. Символическая власть и есть в действительности такая невидимая власть, которая может осуществляться только при содействии тех, кто не хочет знать, что подвержен ей или даже сам ее осуществляет.

1. «Символические системы» как структурирующие структуры (искусство, религия, язык).

Неокантианская традиция (Гумбольдт, Кассирер или в американском варианте Сэпир — Уорф для языка) рассматривает различные символические универсумы: миф, язык, искусство, наука — как инструменты познания и конструирования мира предметов, как «символические формы», признавая — как отмечает Маркс в «Тезисах о Фейербахе» — «активную сторону» познания. В этом же ряду, но с более исторической интенцией, Панофски рассматривает перспективу как *историческую форму*, однако не доходит до того, чтобы последовательно реконструировать *социальные условия* ее создания.

Дюркгейм эксплицитно вписывается в кантианскую традицию. Во всяком случае, поскольку он был намерен дать «позитивный» и «эмпирический» ответ на вопрос о познании. Избегнув альтернативы между априоризмом и эмпиризмом, он закладывает фундамент социологии символических форм (Кассирер открыто признавал, что использовал концепт «символическая форма» как синоним «формы классификации»¹). Благодаря Дюркгейму формы классификации перестают быть универсальными (или трансцендентальными) формами и становятся (у Панофски в имплицитном виде) социальными формами, т. е. произвольными, соотносящимися с отдельными группами и социально детерминированными.²

В этой идеалистической традиции объективность мироощущения определяется согласием структурирующих субъективностей (*sensus = consensus*).

2. «Символические системы» как структурированные структуры (нуждающиеся в структурном анализе).

Структурный анализ дает методологический инструмент, позволяющий реализовать неокантианскую амбицию зафиксировать специфическую логику каждой «символической формы». Предприняв, в согласии с намерением Шеллинга, собственно *тавтологическое* прочтение (по противоположности с *аллегорическим*), которое рассматривает миф лишь в соотнесении с ним самим, структурный анализ имеет целью раскрыть структуру, имманентную каждому виду символической продукции. Но в отличие от неокантианской традиции, акцентирующей *modus operandi*, производительную активность сознания, структуралистская традиция отдает приоритет *opus operatum*, т. е. структурированным структурам. Это хорошо видно на примере представления о языке Соссюра, основателя этой традиции. В качестве структурированной структуры язык рассматривается главным образом как интеллигибельное условие речи, как структурированный медиум, который необходимо сконструировать для объяснения постоянства отношения между звуком и смыслом. (Через устанавливаемое им противопоставление иконологии и иконографии, являющееся точным эквивалентом оппозиции фонологии фонетике. Панофски и любой аспект его творчества, имеющего целью обнаружить глубинные структуры произведений искусства, располагается в границах этой традиции.)

Первичный синтез

Символические системы — средства познания и коммуникации — могут осуществлять свою структурирующую власть лишь потому, что они структурированы. Символическая власть есть власть конструировать реальность, устанавливая *гносеологический* порядок: непосредственное мироощущение (и в особенности — чувство социального мира) предполагает то, что Дюркгейм называл *логическим конформизмом*, т. е. «гомогенным восприятием времени, пространства, числа, причины, что делает возможным согласие между умами». Заслугой Дюркгейма, а позже Радклифа-Брауна, который основывал

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ		
<i>Структурирующие структуры</i>	<i>Структурированные структуры</i>	<i>Инструменты господства</i>
Инструменты познания и конструирования объективного мира	Средства общения (язык или культура, дискурс или поведение)	Власть Разделение труда (социальные классы) Разделение идеологического труда (ручной / умственный) Функция господства
<i>Символические формы:</i> субъективные структуры (modus operandi) Кант — Кассирер	<i>Символические объекты:</i> объективные структуры (opus operatum) Гегель — Соссюр	<i>Идеологии:</i> (vs мифы, языки) Маркс Вебер
Сэпир — Уорф Культурализм	Дюркгейм — Мосс Социальные формы классификации	Леви-Строс Семиология
Значение: объективность как согласие субъектов (консенсус)	Значение: объективный смысл как результат коммуникации, являющейся условием коммуникации	Группы конкурирующих за монополию на легитимную культурную продукцию специалистов
Социология символических форм: вклад символической власти в гносеологический порядок. Смысл = консенсус, т. е. докса		
Идеологическая власть как специфический вклад символического насилия (ортодоксия) в политическое насилие (господство) Разделение труда по господству		

«социальную солидарность» на общности символической системы, является эксплицитное указание на *социальную функцию* (в структурно-функциональном смысле) символизма, истинно политическую функцию, которая не редуцируется к функции коммуникации структуралистов.

Символы являются инструментами *par excellence* «социальной интеграции»: как инструменты познания и общения (ср. с дюркгеймовским анализом праздника), они делают возможным консенсус по поводу смысла социального мира, а «логическая» интеграция есть условие «моральной» интеграции.³

3. Символическая продукция как инструмент господства.

Марксистская традиция отдает приоритет политической функции «символических систем» в ущерб их логической структуре и гносеологической функции (хотя Энгельс и говорит о «систематическом выражении» по поводу права). Такой функционализм — ничего общего не имеющий со структурным функционализмом типа Дюркгейма или Радклифа-Брауна — обосновывает символическое производство путем его соотнесения с интересами господствующих классов. В противоположность мифу — коллективно присвоенному коллективно продукту — идеологии служат частным интересам, которые они пытаются представить как универсальные интересы, общие для всех групп. Господствующая культура вносит свой вклад как в действительную интеграцию господствующего класса (обеспечивая непосредственную коммуникацию между его членами и отличая его от всех других классов), так и в ложную интеграцию общества в целом, а следовательно, в де-мобилизацию (ложное сознание) подчиненных классов, а также в легитимацию установленного порядка с помощью установления различий (иерархий) и легитимацию этих различий. Господствующая культура производит этот идеологический эффект, маскируя функцию разделения под функцию коммуникации: культура объединяющая (медиум коммуникации) есть культура разделяющая (инструмент различения), которая легитимирует различия, вынуждая все другие культуры (обозначенные как субкультуры) определяться в зависимости от их дистанции от господствующей культуры.

Вторичный синтез

Вопреки всем формам «интеракционистского» заблуждения, заключающегося в редукции отношений силы

к отношениям коммуникации, недостаточно отметить, что отношения коммуникации всегда являются в то же время отношениями власти, чья форма и содержание зависят от материальной или символической власти, накопленной агентами или институтами, вовлеченными в отношения, которые, как в случае дара или потлача, помогают накопить символическую власть. Именно в качестве структурированных и структурирующих инструментов коммуникации и познания «символические системы» выполняют свою политическую функцию средства навязывания или легитимации господства (символического насилия), поддерживая своими силами отношения силы, которые их создают, и участвуя таким образом в том, что Вебер называл «приручением подвластных».

Разные классы и их фракции включены в собственно символическую борьбу за навязывание определения социального мира, в наибольшей мере отвечающего их интересам, причем поле идеологических взглядов воспроизводит в превращенной форме поле социальных позиций.⁴ Они могут вести эту борьбу либо напрямую, через символические конфликты повседневной жизни, либо «по доверенности», через борьбу, в которую вступают специалисты символического производства (производители на полной ставке), чьей целью является монополия на легитимное символическое насилие (ср. с М. Вебером). Иначе говоря, власти навязывать (и даже вдалбливать) производные (но не признаваемые за таковые) средства познания и выражения (таксономия) социальной реальности. Поле символического производства есть микрокосм символической борьбы между классами: только служа собственным интересам во внутренней борьбе поля производства (и только в этой мере), производители служат интересам групп, внешних полю производства.

Господствующий класс есть место борьбы за иерархию принципов иерархии. Доминирующие фракции, чья власть покоится на экономическом капитале, стремятся внушить легитимность своего господства либо с помощью собственного символического производства, либо при посредстве консервативных идеологов, которые по настоящему служат интересам господствующих только

по «остаточному принципу» и которые всегда угрожают обернуть к своей пользе власть определять социальный мир, данную им через механизм делегирования. Подчиненные, доминируемые фракции господствующего класса (клерки или «интеллектуалы» и «художники», в зависимости от эпохи) всегда стремятся поместить на вершину иерархии принципов иерархии тот специфический капитал, владение которым обеспечивает их позицию.

4. Идеологические системы — средства господства, которые структурируют в силу того, что сами структурированы, — производятся специалистами в процессе и в целях борьбы за монополию легитимного идеологического производства; в них, благодаря посредничеству гомологии между полем идеологического производства и полем социальных классов, воспроизводится в неузнаваемом виде структура поля социальных классов.

«Символические системы» различаются главным образом по тому, произведены ли они и усвоены всей группой или, напротив, только корпусом *специалистов*, а точнее, относительно автономным полем производства и обращения. История преобразования мифа в религию (идеологию) неотделима от истории становления корпуса специализированных производителей религиозного дискурса и мифов, т. е. от развития *разделения религиозного труда*, который сам является одним из аспектов развития *разделения общественного труда*, а значит, и деления на классы, что приводит — помимо прочих последствий — к *изъятию* у светских лиц средств символического производства.⁵

Структура и наиболее специфические функции идеологий связаны с социальными условиями их производства и циркуляции, т. е. функциями, которые они выполняют, в первую очередь для специалистов, конкурирующих за монополию рассматриваемой компетенции (религиозной, артистической и т. п.), а во вторую очередь и при наличии излишков — для неспециалистов. Вспомнить, что идеологии всегда детерминированы дважды, что своими самыми специфическими характеристиками они обязаны не только выражаемым ими интересам классов или их

фракций (функция социодицеи), но также специфическим интересам тех, кто их производит, и специфической логике поля производства (повсеместно преобразованной в идеологию «творчества» и «творца»), — значит дать себе в руки средство избежать грубой редукции идеологического производства к интересам обслуживаемых им классов (эффект «короткого замыкания», часто встречающийся у критиков-марксистов), не впадая при этом в идеалистическую иллюзию, состоящую в трактовке идеологических производств как самодостаточных и самоподрождающих тотальностей, подтверждаемых чистым и сугубо внутренним анализом (семиология).⁶

Собственно идеологическая функция поля идеологического производства выполняется почти автоматически на основе структурной гомологии между полем идеологического производства и полем борьбы классов. В силу гомологии двух полей борьба за специфические ставки автономного поля автоматически производит в эвфемизированных формах экономическую и политическую борьбу между классами. Благодаря соответствию между структурами выполняется собственно идеологическая функция господствующего дискурса — структурированного и структурирующего медиума, стремящегося навязать восприятие установленного порядка как естественного (ортодоксия) посредством замаскированного внушения (а потому не замечаемого как таковое) систем классификации и ментальных структур, объективно подогнанных к социальным структурам. Тот факт, что соответствие устанавливается только между структурами, скрывает как от глаз самих производителей, так и от глаз непосвященных, что внутренние системы классификации воспроизводят в неузнаваемой форме таксономии непосредственно политические и что специфическая аксиоматика каждого специализированного поля есть преобразованная форма (в согласии со специфическими законами поля) фундаментальных принципов разделения труда. (Например, система университетской классификации использует в неузнаваемом виде объективные деления социальной структуры и, в особенности, структуры разделения труда, теоретического или практического, конвер-

тируя при этом социальные качества в природные свойства.) Собственно идеологическое следствие этого состоит во внушении политических систем классификации под легитимным видом философских, религиозных, юридических и прочих таксономий. Сила символических систем держится на том, что отношения силы выражаются и проявляются в них только в преобразованном и неузнаваемом виде отношений смысла (перенос).

Символическая власть как власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и, тем самым, воздействие на мир, а значит, сам мир — это власть квази-магическая, которая благодаря эффекту мобилизации позволяет получить эквивалент того, что достигается силой (физической или экономической), но лишь при условии, что эта власть *признана*, т. е. не воспринимается как произвол. Все это означает, что символическая власть заключена не в «символических системах» в форме *«illotutionary force»*, а определяется в процессе и посредством определенного отношения между теми, кто отправляет власть, и теми, кто ее на себе испытывает, т. е. самой структурой поля, где производится и воспроизводится *вера*.⁷ Именно вера в легитимность слов и того, кто их произносит, вера в то, что производитель не принадлежит произведенным им словам, превращает власть слов и лозунгов во власть поддерживать или низвергать порядок.

Символическая власть есть превращенная, т. е. неузнаваемая, преображенная и легитимированная форма власти, подчиненная другим формам власти. Невозможно преодолеть альтернативу энергетических моделей, описывающих социальные отношения как силовые отношения, — кибернетическим моделям, превращающим их в отношения коммуникации, если мы не обратимся к анализу законов преобразования, управляющих трансмутацией разных видов капитала в символический капитал, способный приводить к реальным последствиям без видимых затрат энергии.⁸

Примечания

¹ *Cassirer E. The Myth of the State.* — New Haven: Yale University Press, 1946. P. 16.

² Обратимся к этимологическому смыслу *katugoreisthai*, о котором упоминает Хайдеггер, — «обвинить публично» — и, одновременно, к терминологии родства, наиболее ярким примером которой являются социальные категории (принятое обращение).

³ Неофеноменологическая традиция (А. Шютц, П. Бергер) и некоторые формы этнометодологии разделяют одни и те же предположения уже в силу того, что опускают вопрос о социальных условиях возможности *доксического опыта* мира (Гуссерль) и, в частности, — социального мира, т. е. опыта социального мира как чего-то само собой разумеющегося (*taken for granted*, как говорил Шютц).

⁴ Идеологические позиции господствующих представляют собой стратегии воспроизводства, направленные на укрепление — *в* классе и *вне* класса — веры в легитимность господства класса.

⁵ Существование поля специализированного производства есть условие рождения борьбы между ортодоксией и гетеродоксией, общим для которых является их отличие от *доксы*, т. е. от необсуждаемого.

⁶ Это значит также избежать этнологизма (проявляющегося, в частности, при анализе архаического мышления), который рассматривает идеологии как мифы, т. е. как недифференцированные продукты коллективного труда, и обходит молчанием то, чем они обязаны характеристикам поля производства (например, в греческой традиции, эзотерическая реинтерпретация мифических традиций).

⁷ Символы власти (одеяния, скипетр и т. п.) есть не что иное, как *объективированный* символический капитал; их действительность подчиняется тем же закономерностям.

⁸ Разрушение такой власти символического внушения, основанной на неузнанности, предполагает *осознание* произвола, т. е. обнаружение объективной истины и уничтожение веры. По мере разрушения ложных очевидностей ортодоксии, фиктивной реставрации *доксы* и нейтрализации власти к демобилизации *гетеродоксический дискурс* начинает проявлять символическую власть мобилизации и подрыва, способность актуализировать потенциальную власть подчиненных классов.